

Секция «24.13 Государственная политика современной России: институты, стратегии, приоритеты»

**Символическая политика и обращение к имперскому нарративу в практике современного российского государства.**

**Научный руководитель – Телин Кирилл Олегович**

*Сурганова Ангелина Владимировна*

*Студент (бакалавр)*

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра государственной политики, Москва, Россия

*E-mail: surganova.angelina@gmail.com*

Современное российское государство представляет уникальное политическое полотно, объединяющее в своих территориальных и идеологических границах большое количество взаимосвязанных и неделимых лоскутов исторического прошлого. Являясь преемницей политического опыта прошлых государственных образований, в границах которых располагается новый государственный конструкт, Россия формирует совершенно иную политическую идентичность.

Так, в условиях перманентно меняющейся политической реальности, огромное значение приобретает построение общезначимых ценностных ориентиров. Однако их формирование не обходится без обращения к историческому прошлому.

Накопленные знания и обретенный опыт предшествующих веков становятся отправным пунктом конструирования настоящего, а затем и будущего государства. В этом контексте особую важность приобретает символическая политика. Будучи основателем, Мюррей Эдельман рассматривал её прежде всего, как механизм использования символических ресурсов власти с целью упрочения и легитимации принимаемых ею политических действий и решений. Создание символических элементов осуществляется за счёт анализа и трансформации определённых событийных фрагментов истории, приобретающих доминирующее положение и направленных на формирование общепринятого представления.

Таким образом, в нашем исследовании под символической политикой мы понимаем «деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определённых способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [3]. Работа с социальными представлениями о прошлом осуществляется посредством создания некоторого символического репертуара, состоящего их образов, знаков и нарративов [1]. Последнее являет собой сюжетно оформленную цепь исторических событий, повествование которых неоднородно во времени и показано «сквозь призму ценностно окрашенного противоречия». По мысли Фуко, нарратив не обременён строгими пространственно-временными границами, что делает возможным переосмысление и трансформацию знания. Такое восприятие исторических событий объясняет их значимость и влияние в формировании реальности.

В процессе формирования нового нарратива современной России события прошлого подвергаются реинтерпретации: определяется, что из них подлежит «вечной памяти», а что – «забвению». В этом контексте особое внимание как со стороны отечественных, так и западных исследователей нередко приобретает имперский нарратив. Современная Россия, в таком случае, вовсе не отождествляется с империей как таковой, особое внимание уделяется лишь общности символов, ритуалов и механизмов, используемых в политическом дискурсе. Обращение к имперскому прошлому актуализирует современное представление о России как о государстве-цивилизации с опорой на преемственность и историческое предназначение. Так, среди механизмов актуализации имперского прошлого можно выделить адаптацию имперской государственной символики и развитие мемориальной политики.

Ещё одним примером становится вытеснение символически значимых событий советского прошлого и их замена на новые памятные даты посредством обращения к имперскому прошлому. В данном контексте речь идёт, например, о создании нового праздника «Дня народного единства» в качестве необходимой практики консолидации общества и забвения старых памятных дат (событий октябрьской революции, символически важных для советской государственности).

Большое значение в символической политике занимает формирование публичной повестки и риторики действующей власти, изложенной, в первую очередь, в обращениях Президента.

Апелляция к символизму предшествующих столетий необходим в актуализации прошлого для легитимации принимаемых решений. В процессе становления новой российской государственности имперский опыт интерпретировался по-разному. На начальном этапе, в 1990-е годы под эгидой размежевания с имперским и «тоталитарным» порядком предшественников, власть использует «критический нарратив». Она резко отрицает, в первую очередь, советский опыт, как здесь и сейчас покинутый и отвергнутый, а дореволюционное наследие интерпретируется прежде всего как плацдарм, создавший предпосылки для неудачного опыта XX столетия. Важно отметить, на данном этапе официальный нарратив практически полностью перенимает либеральные ценности запада и лишь во второй половине 1990-х годов осуществляет переход к установке на «перемирие и согласие» с предшествующим государственным опытом.

С началом нового века и переходом к третьему этапу в политической риторике возникает идея преемственности, осуществляется проекция великодержавности, отражённой в «тысячелетней истории России». Перейдя от легитимации «по контрасту» к присвоению политически «пригодных» событий, осуществляется новый виток – построение национального единства, риторика воссоединения исконно русских земель в единое политическое пространство. Последнее невозможно без создания духовных и нравственных скреп, так или иначе обращающих исследователей к глубинам имперского прошлого.

Таким образом, являясь одним из ключевых элементов символической политики имперский нарратив подчёркивает преемственность российской государственности и её особую значимость для мировой истории.

### Источники и литература

- 1) Ассман А. 2014. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение. 328 с.
- 2) Каспэ С.И. 2012. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН. 191 с.
- 3) Малинова О.Ю. (2012). Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 8 (4), 179-204.
- 4) Малинова О.Ю. (2019). Политика памяти как область символической политики. МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин, (9), 285-312.
- 5) Малинова О.Ю. 2012. Символическое единство нации? Репрезентация макро политического сообщества в предвыборной риторике Владимира Путина. – Pro et Contra. Т. 16. № 3. С. 76-93.
- 6) Малинова О.Ю. Использование прошлого в российской официальной символической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий)

- 7) Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века. – Историческая политика в XXI веке. Сборник статей. Под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение. С. 7-32.
- 8) Миллер А.И. 2013. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России. – Политика. № 4. С. 114-126.
- 9) Миллер А.И. 2014. Политика памяти в России: Год разрушенных надежд. – Политика. № 4. С. 49-57.
- 10) Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 декабря // [http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4\\_millenium.html](http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html) (Putin V. V. Russia Millennium // Nezavisimaya Gazeta. 1999. December 30 // [http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4\\_millenium.html](http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html)).
- 11) Путин В. В. Не жечь мостов, не раскалывать общество // Российская газета. 2000а. № 233 (2597). 6 декабря. (Putin V. V. Do not burn bridges, not to split society // Rossiyskaya Gazeta. 2000a. N 233 (2597). December 6. )
- 12) Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 16 мая 2003 г. // [http://www.kremlin.ru/appears/2003/05/16/1259\\_type63372type63374\\_44623.shtml](http://www.kremlin.ru/appears/2003/05/16/1259_type63372type63374_44623.shtml) (Putin V. V. Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. May 16, 2003 // [http://www.kremlin.ru/appears/2003/05/16/1259\\_type63372type63374\\_44623.shtml](http://www.kremlin.ru/appears/2003/05/16/1259_type63372type63374_44623.shtml))
- 13) Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г. // [http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223\\_type63372type63374\\_type82634\\_87049.shtml](http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374_type82634_87049.shtml) (Putin V. V. Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. April 25, 2005 // [http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223\\_type63372\\_type63374\\_type82634\\_87049.shtml](http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372_type63374_type82634_87049.shtml))
- 14) Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 декабря 2012 г. // <http://www.kremlin.ru/news/17118> (Putin V. V. Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. December 12, 2012 // <http://www.kremlin.ru/news/17118>)